

Н.К. Синягин

**Материалы к истории императора
Александра I и его эпохи**

Выпуск 1. Иконография

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н.К. Синягин**
Материалы к истории императора Александра I и его эпохи: Выпуск 1. Иконография / Н.К. Синягин – М.: Книга по Требованию, 2015. – 156 с.

ISBN 978-5-458-52252-6

В книге описаны и представлены : Портреты. Исторические картины. Каррикутуры. Гравюры, литографии, рисунки карандашом и акварели (черно-белые изображения), имеющие отношение к истории императора Александра I и его эпохи.

ISBN 978-5-458-52252-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пишетъ Государыня въ 1792 г., при видѣ этого высокаго, красиваго и добраго юноши. Какъ много онъ общаетъ, какая это воплощенная чистота и вмѣстѣ съ тѣмъ глубина... Онъ необыкновенно скромнень и безъ всякаго жеманства. Это нашъ любимчикъ, онъ это хорошо знаетъ и идетъ своею дорогою. Голова у него нѣсколько напередъ, но красивая голова. Его очень часто осуждали за это, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади, то держитъ голову вверхъ и тогда напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать послѣдняго“.

Вотъ пришла „пора страсти нѣжной“ и Александръ женатъ на миленькой принцессѣ Баденской, почти ребенкѣ, составляющей полную гармонию со своимъ шестнадцатилѣтнимъ супругомъ, отъ брака которыхъ, какъ выразился Екатерининъ нѣкій не въ мѣру усердный придворный, „должны были рождаться ангелы“.

Екатерина права была, сказавъ, что Александръ „идетъ своею дорогою“. Будущій дипломатъ, обводившій вокругъ пальцевъ многихъ и многихъ государственныхъ людей, рано сказывается въ юношѣ-новобрачномъ, который съ дѣтства умѣетъ ловко льстить Сѣверной Семирамидѣ, стараясь съ неподражаемо простодушнымъ видомъ держаться какъ можно ближе къ ней. Тотъ же маневръ пущень и теперь въ ходъ, но уже съ цѣлю вызвать милостивое расположеніе Императрицы къ дѣвочкѣ-невѣсткѣ, которую Александръ, какъ бы незамѣтно „подталкиваетъ, чтобы она поскорѣ прижималась“ къ доброй бабушкѣ, „считая, что ей нигдѣ не можетъ быть лучше“, какъ возлѣ нея. Александръ словно предчувствовалъ близкій конецъ своего пребыванія подъ крылышкомъ влюбленной въ него Екатерины.

Наступилъ 1796 г., упокоилась подъ сводами Петропавловскаго собора Великая взлелѣвшая своего внука государыня и, мѣрно постукивая каблуками скроенныхъ на прусскій ладъ ботфортъ, на всероссійскій престолъ взошеть Императоръ-рыцарь, Императоръ-капраль, перегородившій полъ-Россіи шлагбаумами, другую половину засадившій на гауптвахту и ничему, къ сожалѣнію, не научившійся воспоминаніями о тяжелой ропшинской трагедіи. Александру снова приходится мѣнять физиономію. Вѣчно нахмуреннаго, вѣчно готоваго разразиться громомъ и бурей родителя не удивить ловкостью и куртуазностью столь ненавистнаго ему Екатерининскаго двора. Первый подданный государя долженъ быть первымъ солдатомъ своего отечества. И Александръ ловко улавливаетъ надлежащую нотку; его душевная гибкость и приспособляемость облегчаютъ его тяжелую роль: Аполлонъ Бельведерскій минутами разглаживаетъ суровое чело Павла своею выправкою, достойною любого исправнаго прусскаго служака; онъ встаетъ почти съ зарею, торопится въ экзерцисъ-гаузъ, и тамъ, забывъ про великіе идеалы Лагарпа, бьется надъ ломкою русскаго мужика, обсыпаннаго пудрою и затянутого въ лосины и становится въ рангъ порядочнаго офицера аракчеевской школы. Просмотрите имѣющійся у меня сборникъ подлинныхъ полковыхъ приказовъ, написанныхъ на грубой бумагѣ рукой полкового писаря, съ собственноручнымъ характернымъ росчеркомъ Александра на каждомъ листкѣ, и вы убѣдитесь наглядно, до какихъ мелочей казарменнаго распорядка долженъ былъ доходить старшій сынъ Россійскаго Государя, самъ будущій вѣнценосецъ. Но онъ гнетъ себя, пересиливаетъ, маршируетъ, приказываетъ бить неловкихъ солдатъ шпицрутенами, брезгливо морщится отъ грубостей солдатскаго режима, незамѣтно въ то же время для самого себя вырабатываясь въ творца военныхъ поселеній, дикаго регламентированія интимныхъ подробностей жизни по рецепту „безъ лести преданнаго“ прототипа Скалозуба, обозначившаго послѣднія, темныя страницы царствованія Александра.

Во дворцѣ налаживается заговоръ; цѣпкіе, крючковатые пальцы петербургскаго военнаго генераль-губернатора берутся распутать запутавшійся узелъ русской государственности, но нужна санкція будущаго его повелителя, санкція хотя бы молчаливая. Старый, опытный лицемѣръ, обманувшій подозрительность пронизательнаго Павла, и молодой человѣкъ съ открытымъ, яснымъ лицомъ, почти безъ словъ, понимаютъ другъ друга, и Александръ хладнокровно рѣшаетъ возникающій предъ нимъ гамлетовскій вопросъ: „to be or to not be“. Конечно, быть, но чтобы смѣна монарховъ произошла при соблюденіи надлежащихъ правилъ приличія, и особа свергаемаго помазанника не потерпѣла бы ущерба. Но задуманное по нотамъ предпріятіе нѣсколько отошло въ исполненіи отъ лукаваго камертона и господамъ офицерамъ, въ темную ночь прокравшимся въ ненавистный имъ Михайловскій замокъ, оставалось лишь слегка перефразировать извѣстное покаянное письмо Алексѣя Орлова, одного изъ авторовъ „Петербургскаго дѣйства, столь успѣшно разыграннаго сорокъ лѣтъ тому назадъ: „Прости, государь, ошиблись немного, не доглядѣли“. Александръ—весь негодованіе, весь—скорбь, весь—отчаяніе—но... fait assompli, онъ на тронѣ, о цѣнѣ котораго, весь поблѣднѣвъ, вспомнилъ долго спустя, при жестокомъ напоминаніи, брошенномъ ему въ лицо плѣннымъ французомъ Вандаммомъ.

„Тревожно и грустно взошелъ онъ на вершину страшной скалы. Онъ хотѣлъ добра и ему вѣрили. На его юныя и кроткія черты смотрѣли съ упованіемъ; уповалъ и онъ, что сдѣлаетъ изъ Россіи рай; онъ ей отдастъ лучшіе годы, лучшія силы, народъ благословитъ его, и тогда, Траянъ и Маркъ Аврелій, онъ пропадетъ въ виноградныхъ садахъ на берегахъ Рейна“ *).

„Вступая на престолъ, онъ вступалъ въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода... Онъ совершилъ полный оборотъ отъ зенита къ надире, отъ религіознаго утвержденія къ религіозному отрицанію политической свободы. Это кроткое самовластіе, этотъ кнутъ на ватѣ, оказался не менѣе страшнымъ, но достойнымъ еще большаго осужденія, чѣмъ прежній кнутъ голый. Вторая половина царствованія соединила пастырскій жезлъ архимандрита Фотія съ аракеевскими спицрутенами для искорененія мистическихъ и либеральныхъ плевелъ, насѣянныхъ первою. Александръ началъ Маркомъ Авреліемъ, кончилъ Тиверіемъ. Солнце, взошедшее такъ ясно, закатилось въ кровавомъ туманѣ. Онъ умеръ среди наступающаго террора, среди ужаса, который внушалъ другимъ и который равенъ былъ только ужасу, который онъ самъ испытывалъ“ **).

И потомки угодливыхъ предковъ, поднесшихъ Александру титулъ Богомъ Благословеннаго Государя, молча перевернули блестящимъ перомъ написанныя страницы внѣшней исторіи его царствованія и сурово, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, осудили его за конецъ его дней. И получилось, что въ русской литературѣ, какъ установилъ Толстой, отъ гимназиста до ученаго историка, нѣтъ человѣка, который бы не бросилъ своего камушка въ Александра за неправильные поступки въ этотъ періодъ властвованія.

„Въ чемъ же состоитъ сущность этихъ упрековъ? спрашиваетъ себя Толстой и, отвѣчая, разсматриваетъ Александра съ общечеловѣческой точки зрѣнія, твердо памятуя, что царь прежде всего рабъ исторіи, стало быть—обстоятельствъ“.

„Въ томъ,—отчеканиваетъ эпилогъ къ „Войнѣ и Миру“,—что такое историческое лицо, стоявшее на высшей возможной ступени человѣческой власти, под-

*) Сочиненія А. И. Герцена, Спб., 1905, т. 5, стр. 409.

***) Д. С. Мережковскій, „Революція и религія“ („Р. Мысль“, 1907).

лежавшее тѣмъ сильнѣйшимъ вліяніемъ интригъ, обмановъ, лести, самообольщенія, которыя неразлучны со властью; лицо, чувствовавшее на себѣ, всякую минуту своей жизни, отвѣтственность за все совершавшееся въ Европѣ, и лицо не выдуманное, а живое, какъ и каждый человѣкъ, съ своими личными привычками, страстями, стремленіями къ добру, красотѣ, истинѣ, что это лицо не то, что не было добродѣтельно (за это историки не упрекаютъ), а не имѣло тѣхъ воззрѣній на благо человѣчества, которыя имѣетъ теперь профессоръ, смолоду занимающійся наукой, т. е. чтаніемъ книжекъ, лекцій и списываніемъ этихъ книжекъ и лекцій въ одну тетрадку“.

„Императоръ Александръ былъ, несомнѣнно, человѣкъ съ честными намѣреніями и возвышеннымъ образомъ мыслей,—формулируетъ свой взглядъ на него одинъ изъ добросовѣстнѣйшихъ и глубоко порядочныхъ дѣятелей близкой къ нему эпохи, А. В. Никитенко,—но... ума не глубокаго и шаткой воли. Такого рода люди всегда искренно расположены къ добру и готовы его дѣлать, доколѣ имъ улыбается счастье. Возникаютъ на ихъ пути трудности, — а это неизбежно, — и они теряются, падаютъ духомъ, раскаиваются въ своихъ прежнихъ широкихъ и благихъ замыслахъ. Роль ихъ требуетъ великихъ дѣлъ, а имъ отказано въ органѣ, посредствомъ котораго тѣ совершаются, — въ характерѣ. Люди эти, не выходя изъ посредственности, пригодны для обыкновеннаго порядка вещей, но не для общественнаго положенія, когда являются властителями народныхъ судебъ и руководителями событій, отъ которыхъ зависитъ благо цѣлыхъ обществъ...“

Извѣстно, какой переворотъ произошелъ въ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ послѣ первыхъ неудачъ, встрѣтившихъ его либеральныя поползновенія. Даже сердце его охладѣло къ Россіи, лишь только оказалось, что ея грубые нравы, невѣжество, административныя неурядицы не могутъ быть переработаны такъ скоро, какъ бы ему того хотѣлось по его добрымъ, но легкомысленнымъ планамъ. Онъ отказался отъ реформъ, которыя предъ тѣмъ самъ призналъ нужными и полезными,—отказался потому, что они требовали систематической, твердой политики, не смущающейся ни трудностями, ни первоначальными неудачами. Вступая въ Священный союзъ, онъ наивно вѣрилъ, что достаточно провозгласить великія христіанскія идеи, чтобы люди стали добрыми, возлюбили правду и миръ, чтобы между ними установилось согласіе, уваженіе къ закону, а чиновники перестали грабить казну и народъ. Онъ, конечно, былъ честнѣе Меттерниха, по крайней мѣрѣ, сознательно не дѣлалъ изъ религіи орудія политическихъ интригъ. Однако, по странному самообольщенію, видѣлъ въ ней личную союзницу, которая сѣяла въ сердцахъ людей нравственность для того, чтобы легче было ему управлять ими“.

Весьма возможно, что у Александра были всѣ задатки стать русскимъ Маркомъ Авреліемъ, если бы не его злополучный характеръ, представлявшій—въ анализѣ тлетворно на него дѣйствовавшего знаменитаго князя Меттерниха—„странную смѣсь мужскихъ качествъ съ женскими слабостями. Императоръ былъ, несомнѣнно, уменъ, но умъ его, проницательный и тонкій, былъ лишень глубины. Онъ также легко заблуждался вслѣдствіе рѣшительной склонности къ ложнымъ теоріямъ. Излюбленныя теоріи всегда одерживали верхъ въ его мнѣніи, онъ отдавался имъ крайне горячо, причемъ онѣ овладѣвали имъ настолько, что подчиняли его волю этимъ идеямъ. Подобныя идеи приобрѣтали въ его глазахъ быстро значеніе системы, которую онъ охватывалъ, и не сплачивались между собою, а вытѣсняли одна другую. Увлекаясь новою, только что усвоенною системою, ему безсознательно удавалось переходить чрезъ промежуточныя ступени къ убѣжденіямъ,

діаметрально противоположнимъ тому, чего онъ держался непосредственно предъ этимъ, не сохраняя о нихъ другого воспоминанія, кромѣ обязательствъ, связывавшихъ его съ представителями прежнихъ возрѣній.

Отсюда возникала тяжелая какъ для сердца, такъ и для ума государя, сѣть болѣе или менѣе неразрѣшимыхъ затрудненій, опутывавшихъ его; отсюда частое пристрастіе къ людямъ и предметамъ самаго противоположнаго характера; отсюда же трудность понять его образъ дѣйствій для каждаго наблюдателя, не имѣвшаго случая открыть настоящихъ причинъ такихъ удивительныхъ явленій... Всегда поддаваясь увлеченіямъ, всегда непостоянный въ направленіи своего ума, Александръ не пользовался ни одной минутой дѣйствительнаго покоя. У него были неощутимыя качества, его образъ мыслей былъ благороденъ, его слово свято—но наряду съ этими качествами, были большіе недостатки. Если бы онъ родился въ средѣ общества, его качества не выдвигались бы, но на престолѣ должно было случиться иначе. Если бы онъ былъ властелиномъ иной имперіи, а не Россіи, его ошибки выступали бы не такъ ярко, но за то и его преимущества были бы менѣе замѣтны. Александръ существенно нуждался въ опорѣ, его умъ и сердце требовали совѣта и направленія“. Меттернихъ категорически отвергаетъ у Александра честолюбивыя наклонности. „Въ его характерѣ—холодно замѣчаетъ князь—не было для этого достаточной силы и было довольно слабости, чтобы допустить тщеславіе. Вся его притязательность касалась скорѣе легкихъ побѣдъ свѣтскаго человѣка, чѣмъ серьезныхъ цѣлей владыки громадной имперіи“.

„Если бы онъ родился въ средѣ общества“... дѣлаетъ предположеніе Меттернихъ. Что бы изъ него вышло? Да ровно ничего—отвѣчаетъ извѣстная баронесса дю-Монте, много выдавшая и много слыхавшая на своемъ вѣку. Въ томъ то и бѣда, что Александръ не могъ обойтись безъ сцены, безъ зрителей, безъ позирования. Въ этой обстановки Александръ завялъ бы, захирѣлъ и не распустился бы никогда. Ему нужно было постоянное поклоненіе, чуть ли не институтское обожаніе. И въ вѣкъ карамзинскаго сентиментализма Александръ вдоволь могъ наслаждаться влюбленностью въ него со стороны русскаго общества, твердо вѣрившаго, что Александръ былъ „идеаломъ совершенства. Всѣ имъ гордились и все въ немъ нравилось: даже нѣкоторая изысканная картинность его движеній, сутуловатость и держаніе плечъ впередъ, мѣрный, твердый шагъ, картинное отставленіе правой ноги, держаніе шляпы такъ, что всегда между двумя раздвинутыми пальцами приходилась пуговица отъ галуна кокарды, кокетливая манера подносить къ глазу лорнетку; все это шло къ нему, всѣмъ этимъ любовались“ *).

Если ребенкомъ Александръ подавалъ своей бабкѣ большія надежды на привлеченіе къ нему сердецъ его окружающихъ, то, нельзя не сознаться, что въ зрѣлыхъ годахъ онъ вполне достигъ этого завиднаго качества. Достаточно пробѣжать нѣкоторыя страницы мемуаровъ графини Шуазель-Гуффье, урожденной Тизенгаузъ, и мы узнаемъ изъ-подъ пера польско-французской аристократки, что въ тридцать пять лѣтъ императоръ казался гораздо моложе. „Несмотря на тонкія и правильныя черты и нѣжный цвѣтъ лица, въ немъ, прежде всего, поражала не красота, а выраженіе безконечной доброты, что и сразу внушало полное къ нему довѣріе.

Онъ былъ очень хорошо сложенъ, но станъ его, наклоненный немного впередъ, на манеръ древнихъ статуй, начиналъ уже полнѣть. Онъ былъ высокаго роста, осанку имѣлъ благородную и величественную. Чисто голубые глаза его,

*) Воспоминанія камеръ-пажа Дарагана.

несмотря на близорукость, смотрѣли быстро; въ нихъ просвѣчивались умъ и какое-то неподражаемое выраженіе кротости и мягкости. Глаза эти точно улыба-лись. Прямой носъ былъ прекрасно очерченъ, ротъ малъ и пріятенъ, весь профиль и окладъ лица напоминали красоту его августѣйшей матери. Даже недостатокъ волосъ на лбу не портилъ этого лица, а придавалъ ему выраженіе открытое и веселое. Золотисто-бѣлокурые свои волосы (cheveux d'un blond doré) онъ тща-тельно причесывалъ такъ, какъ мы встрѣчаемъ это на античныхъ монетахъ и камеяхъ; казалось, что его голова и создана была для ношенія тройного вѣнца изъ лавровъ, миртъ и оливъ. Въ его голосѣ и обхожденіи было безчисленное множество отгѣнковъ: въ разговорѣ съ значительными особами онъ принималъ величественный, но любезный въ то же время видъ; съ приближенными былъ весьма ласковъ, доходя даже до большой простоты; съ пожилыми дамами онъ былъ почтителенъ, съ молодыми — граціозно любезенъ; тонкая улыбка мелькала на губахъ, а глаза часто подчеркивали его слова. Слушая кого-нибудь, онъ слегка подставлялъ правое ухо, потому что, будучи еще юношею, былъ оглушенъ артил-лерійскимъ залпомъ и плохо слышалъ на лѣвое ухо...

Ни одному живописцу не удалось передать вполнѣ выраженіе лица госу-даря. Правда, онъ и не любилъ снимать съ себя портретовъ. Одинъ только Же-раръ успѣлъ выпросить у него нѣсколько сеансовъ, но и тотъ, несмотря на все свое мастерство, не сумѣлъ передать характеръ лица государя. Онъ ему придалъ видъ завоевателя, въ то время какъ Александръ былъ всегда умиротво-рителемъ *).

Въ описаніи внѣшнихъ данныхъ императора экспансивная полька почти бук-вально сходится съ хладнокровнымъ нѣмцемъ Карломъ Розенцвейгомъ, давшимъ весьма любопытные очерки закулисной жизни Русскаго Двора въ 1804 г. **).

„Крѣпкое, повидимому, сложеніе государя — говоритъ тотъ далѣе — подаетъ надежду на долгую жизнь, тѣмъ болѣе, что онъ не поддается своимъ страстямъ ***). Александръ отличается живымъ и быстрымъ соображеніемъ, справедливымъ и положительнымъ умомъ; онъ выражается изящно и съ прелестью основательной бесѣды соединяетъ вѣжливость въ выраженіяхъ, какую рѣдко встрѣтишь даже въ частномъ лицѣ. Онъ отличается примѣрнымъ прилежаніемъ и по истинѣ одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ монарховъ Европы... Русскіе находятъ въ императорѣ недостатки, которые омрачаютъ нѣсколько его личность. Его считаютъ недовѣр-чивымъ и скупымъ. Быть можетъ первый изъ этихъ недостатковъ былъ вызванъ и оправдывается его воспитаніемъ, опытомъ его молодыхъ лѣтъ и людьми, его окружающими. По крайней мѣрѣ невозможно совершенно отрицать этого, зная строгую сдержанность его съ приближенными и то ограниченное довѣріе, которое оказываетъ имъ государь. Императоръ, не довѣряющійся собственнымъ силамъ, не можетъ довѣрять другимъ...“

Александръ чувствуетъ потребность посоветоваться съ кѣмъ-нибудь, но съ кѣмъ? Каждый изъ совѣтниковъ говоритъ что-нибудь противное тому, что гово-рилъ его предшественникъ. Какъ тутъ разобраться? на чемъ остановиться? кто правъ? Аракчеевъ, кажется, безъ лести, глубоко, глубоко преданъ... Да, пре-

*) „Mémoires historiques sur l'Empereur Alexandre et la Cour de Russie, publiés par M-me la C-sse de Choiseul-Gouffier, née comtesse de Fisenhaus (!), ancienne Demoiselle d'honneur à la Cour de L. L. M. M. I. I. de Russie“. Paris. 1829. См. стр. 75—77.

**) См. статью О. Шимана: „Александръ I и его Дворъ въ 1804 г.“, „Русская Старина“, 1880, стр. 790.

***) Совершенно противорѣчить другимъ весьма опредѣленнымъ указаніямъ, что къ 47 годамъ своей жизни императоръ, уже въ силу необходимости, сталъ придерживаться платоническихъ воззрѣній.

дань, но дѣйствительно ли безкорыстно... Да и философія Аракчеева такъ суха, такъ деревянна и жестка, какъ онъ самъ... А Сперанскій? О, это большой умъ, крупный... Но и этотъ поповичъ изъ хищныхъ птицъ — у него полетъ орлиный. Но онъ *пока* нуженъ—это рабочая лошадь.

Отъ своихъ слугъ скрытный и затаившійся императоръ ждалъ и требовалъ постоянной откровенности, души нараспашку, неустанно исповѣдуя въ то же время принципы макіавелизма, въ родѣ, на примѣръ, *regner c'est dissimuler*. Быть можетъ, тѣмъ-то и обязанъ Аракчеевъ своимъ мѣстомъ въ сердцѣ царевѣ, что его привязанность къ Александру, по выраженію Н. И. Греча, отличалась многими свойствами цѣпной собаки. Разсуждающіе сотрудники терпѣлись государемъ до поры, до времени, и тогда ихъ попытки руководить волею его получали возмездіе неожиданное, а потому и эффектное. Дочь министра внутреннихъ дѣлъ графа В. П. Кочубея обласкана государемъ, получаетъ фрейлинскій шифръ, а дальновидный, хорошо присмотрѣвшійся къ нраву своего повелителя, сановникъ немедленно сталъ приготавливаться въ дорогу, и своевременно, ибо на другой же день получилъ указъ объ отставкѣ. Одинъ изъ международныхъ авантюристовъ, православный французъ, Сангленъ, ошеломивъ, озадачивъ государя своимъ апломбомъ, взялся устроить высшую тайную полицію, -- послѣднее слово науки чтенія въ мысляхъ. Но когда Александръ увидѣлъ, что все сводится къ мороченью, мягко и ласково прикончилъ карьеру столь своеобразнаго таланта; на одномъ изъ придворныхъ баловъ Сангленъ, преслѣдуемый любезностями императора, приглашаемый танцовать, подчуемый мороженымъ и т. д., могъ только грустно подумать: „сорвалось“. А Сперанскій? 17 марта 1812 г. государственный секретарь занимался съ государемъ въ его кабинетѣ до 11 ч. Пробыли часы, Александръ всталъ, перекрестилъ Сперанскаго, и отпустилъ со словами: „Прощай, Михаилъ Михайловичъ! Доброй ночи! До свиданія!“ А подѣзжая къ дому Михаилъ Михайловичъ у воротъ увидѣлъ кибитку тройкой, которая весьма скоро и незамедлительно отвезла его къ мѣсту продолжительнаго отдохновенія послѣ государственныхъ трудовъ. И съ трудомъ приходилось современникамъ „Сѣвернаго Тальмы“ — выраженіе Наполеона — раскусывать политику „полугрека“, какъ охотно именуеть Александра Шатобрианъ. Французскій посланникъ въ Петербургѣ виконтъ Ла-Ферроннэ, наблюдавшій государя въ послѣдніе годы, положительно недоумѣвалъ предъ царственною загадкою. „Я думаю—пишетъ онъ въ маѣ 1823 г.—трудно говорить болѣе откровеннымъ и прямымъ языкомъ, нежели государь; разговаривая съ нимъ, вы получаете самое благопріятное о немъ впечатлѣніе. Ушли вы отъ него въ полномъ убѣжденіи, что императоръ воплощаетъ въ себѣ лучшія рыцарскія наклонности, качества великаго монарха, глубокой умъ и неограниченную волю. Онъ подавляетъ своею аргументаціею, краснорѣчіемъ и убѣжденностью. И что же?.. Мой ежедневный опытъ, мои наблюденія за его поступками не позволяютъ мнѣ полагаться на его слова. Многочисленные поступки, обусловливаемые слабостью (*actes de faiblesse*), доказываютъ, что его энергія словесная далеко не переходитъ въ дѣло, но съ другой стороны неустойчивый характеръ совершенно неожиданно можетъ поддаваться припадкамъ раздражительности, послѣдствія которой не поддаются учету (*incalculables*). Императоръ недовѣрчивъ до крайности—слѣдовательно, не надѣется на свою силу. Онъ всегда желаетъ добра, но часто вмѣсто этого творитъ зло“ *).

*) „Histoire intime de la Russie sous les Empereurs Alexandre et Nicolas“. Par I. H. Schnitzler. См. 2-й т., стр. 62—63.

Такую способность Александра внѣшне импонировать проанализировала и извѣстная г-жа Сталь, которой императоръ показался человѣкомъ весьма незауряднымъ (extraordinaire) и обладавшимъ солидными познаніями. „Я не думаю—прибавляетъ гонимая Наполеономъ писательница—чтобы на всемъ протяженіи его имперіи нашелся бы государственный дѣятель, болѣе его подготовленный къ обсужденію и направленію политическихъ затрудненій“ *).

Совершенно обратное сужденіе о духовномъ и умственномъ богатствѣ Александра встрѣчаемъ въ дневникѣ Фарнгагена фонъ-Энзе **). „У Императора Александра никогда не было того, что называется умомъ (habe niemals Geist gehabt),—это сплошная посредственность признаетъ только заурядность; истинный гений, умъ или талантъ подавляютъ его (machen ihm bange), и только, скрѣпя сердце, въ самыхъ неотложныхъ случаяхъ входитъ онъ съ ними въ соприкосновеніе. Ни на одно мгновеніе не допускаетъ онъ себя до искренности и прямоты, но вѣчно на сторожѣ (immer auf der Hut und auf der Lauer). Самыя опредѣленные его свойства—тщеславіе и лукавство; стоитъ переоблачить его въ женское платье и онъ предстанетъ предъ вами въ образѣ тонко выработавшейся женщины. Знаній у него весьма немного, даже по-русски онъ можетъ толковать только о самыхъ обыденныхъ предметахъ“.

И дѣйствительно, безсистемное, почти безтолковое образованіе Александра было болѣе блистательное, нежели основательное и прочное. Онъ выучилъ многое наизусть, говорилъ по-французски, какъ дофинъ, но не умѣлъ безошибочно писать по-русски и въ послѣдствіи говаривалъ шутя, что сожалѣетъ о невозможности запретить указомъ употребленіе буквы ять. Слѣдуетъ вспомнить, что его ученье завершилось совершенно на шестнадцатомъ году и ранняя женитьба разстроила его во всѣхъ отношеніяхъ. Половинчатость, недоконченность Александра была ясна даже такимъ его доброхотамъ, какъ извѣстный прусскій патриотъ Штейнъ, не упускавшій случая въ своихъ рѣчахъ и писаньяхъ превозносить императора, которому все же не доставало „умственной силы для изслѣдованія истины, твердости для завершения своихъ предпріятій, вопреки всѣмъ преградамъ и для преклоненія воли противниковъ; его добродушіе искажается, становится слабостью характера и оно нерѣдко прибѣгаетъ къ оружію лукавства и хитрости“. Беремъ воспоминанія баронессы дю-Монте ***)) и почти слово въ слово находимъ такой же приговоръ Александру: „Онъ хитеръ, лукавъ, скрытенъ и деспотъ въ глубинѣ души. Онъ всегда владѣетъ собою и всегда разыгрываетъ роль; онъ бываетъ раздражителенъ, сердитъ, но сдерживаетъ себя. Умѣетъ пользоваться ласковымъ обращеніемъ и напугать строгимъ выговоромъ и суровымъ обращеніемъ“. Шведскій посланникъ Лагербельке высказался съ нѣкоторою даже восточною цвѣтистостью, сравнивъ тонкость Александра съ остриемъ ножа.

Рискованно, конечно, утверждать, что Александру мало свойственны были благіе порывы, но бѣда-то въ томъ именно и состояла, что онъ... держалъ въ рукахъ своихъ „роковой ящикъ Пандоры и старался забыть о томъ, что ему придется открыть его. Александръ всегда останавливался предъ затрудненіями и эти затрудненія лишь усиливались подобно тѣмъ фантастическимъ тѣнямъ, которыя внезапно появляются вдали на самомъ ясномъ небосклонѣ“. Весьма возможно, что,

*) „Six années d'exil; fragments d'un ouvrage inédit composé dans les années 1810 à 1813“. Par m-me de Staël. Bruxelles. 1821. См. стр. 229.

***) „Blätter aus der preussischen Geschichte“. Von K. A. Varnhagen von Ense. Leipzig. 1868. См. 2-й т., стр. 188.

****) „Souvenirs de la baronne du Montet, 1785—1866“. Paris. 1904.

записывая эту мысль, графиня Эдлингъ имѣла въ виду юношескія мечтанія Александра и о „куцой конституціи“ и объ эмансипаціи „крещеной собственности“. А въ этомъ ящикѣ Пандоры таилось немало любопытныхъ и поучительныхъ для императора вещей; вѣдь не анекдотъ, а голый историческій фактъ то изрядно конфузливое положеніе, въ которое попалъ Александръ, горячо ратуя на одномъ изъ конгрессовъ за необходимость прекращенія рабовладѣльчества въ многочисленныхъ англійскихъ факторіяхъ, пока кто-то изъ невынесшихъ лицемѣрія дипломатовъ почтительно поставилъ ему на видъ, что вѣдь и во владѣніяхъ россійскаго монарха человѣческая душа является предметомъ купли и продажи.

Въ 1807 году, какъ извѣстно, состоялось пресловутое Тильзитское свиданіе. Съѣхались два могущественнѣйшихъ государя той эпохи и, убравъ шпаги въ ножны, порѣшили взять другъ друга въ плѣнъ, что называется изморомъ, перепереть словомъ. Александру предстояло воздѣйствовать на геніальнаго полководца, проницательнаго дипломата, человѣка огромной воли, привыкшаго уподоблять европейскихъ государей шахматнымъ королямъ, двигавшимся по мановенію его мягкой, выхолненной руки. Послѣ нѣсколькихъ свиданій Наполеонъ, пронизавъ своимъ орлинымъ взглядомъ тайники души Александра, почти нисколько въ ней не разобрался, придя въ общемъ къ тому выводу, что его собесѣдникъ— „привлекательная личность, обладающая даромъ очаровывать людей, приходящихъ въ соприкосновеніе съ нимъ“. Наполеонъ сознается, что, будь онъ способенъ подчиняться непосредственнымъ впечатлѣніямъ, Александръ всецѣло завладѣлъ бы имъ. „Рядомъ со столькими дарованіями и съ необыкновенной обворожительностью, во всемъ существѣ Александра есть, однако, что-то неуловимое, чего даже и опредѣлить трудно иначе, чѣмъ сказать, что у него во всѣхъ отношеніяхъ чувствуется недостатокъ чего-то. И самое странное при этомъ то обстоятельство, что никогда нельзя предвидѣть заранѣе, чего именно въ данномъ случаѣ и въ данныхъ случаяхъ не хватить, и нехватящій кусочекъ при этомъ видоизмѣнчивъ до безконечности“.

Вотъ въ этомъ-то „нехваткѣ“ какихъ-то соразмѣренныхъ человѣческихъ качествъ, при отсутствіи которыхъ чуть ли не теряется строгій позитивистъ Наполеонъ, и сказывается намекъ на геніальность, правда, особаго рода, правда почти въ области четвертаго измѣренія, по ту сторону черты проникновенія психологовъ, привыкшихъ чаще встрѣчаться съ плюсами, нежели съ минусами, но во всякомъ случаѣ здѣсь уже загадка, стало быть объектъ изученія, мимо котораго не пройдешь, не замѣтивъ его.

И скользнуть бѣглымъ взглядомъ по личности Императора Александра нельзя; его можно любить, обожать, ненавидѣть, но не замалчивать, уже потому, что онъ трагически осмысленъ, а трагическій элементъ, какъ разъясняетъ Герценъ, не опредѣляется ни болью, ни синими пятнами, ни кулачной борьбой, а тѣми внутренними столкновеніями, независимыми отъ воли, противорѣчащими уму, съ которыми человѣкъ борется, а одолѣть ихъ не можетъ, напротивъ, почти всегда уступаетъ имъ, измочалившись о гранитные берега неразрѣшимыхъ, повидимому, антиминой. Для того, чтобы такъ разбиться, надобно имѣть извѣстную степень человѣческаго развитія, своего рода помазаніе. Есть натуры до того будничныя, до того рутинныя, до того узкія и посредственныя, что ихъ счастье и несчастье пошло, по крайней мѣрѣ, не интересно *).

*) Соч., V, 407.

сокрушившей Наполеона и самъ сокрушившейся подъ бременемъ славы, и бросившей печальный лучъ на гладко подмерзнувшія тундры петербургскаго періода нашей исторіи, затершаго энергію и волю, таланты и силы, пропавшіе безъ вѣсти, какъ сваи на болотныхъ топяхъ, на которыхъ построена была наша столица.

Въ Александрѣ всегда надо различать двѣ, такъ сказать, ипостаси: человѣческую и царскую. Какъ человѣкъ, онъ былъ несчастливъ до нельзя, ибо нельзя же отнести къ разряду людей, довольныхъ окружающею обстановкою, отнести къ разряду самодовольныхъ счастливицковъ автора горькаго признанія, что онъ всякій разъ страдаетъ, когда долженъ являться на придворную сцену и кровь портится въ немъ при видѣ низостей, совершаемыхъ другими на каждомъ шагу для полученія внѣшнихъ отличій, не стоящихъ, въ его глазахъ, мѣднаго гроша. Развѣ счастливъ онъ, чувствующій себя несчастнымъ въ обществѣ такихъ людей, которыхъ не желалъ бы имѣть у себя и лакеями *). Но зато нельзя царю быть рельефнѣе поставлену въ исторіи, чѣмъ поднялся Александръ. Счастье благопріятствовало Александру даже въ потеряхъ. Во время умеръ Кутузовъ; проживи онъ дольше—покрывшая Александра лаврами война 1813—14 гг. не окончилась бы такъ успѣшно, потому что фельдмаршалъ ни за что не ужился бы съ нѣмцами вообще, и съ Блюхеромъ въ частности, и они не согласились бы его слушаться. А своевременная смерть Моро? Если бы онъ остался живъ, значительная доля славы досталась бы, чего добраго, ему, единственному достойному противнику Наполеона.

Такъ въ чемъ же, наконецъ, секретъ успѣха Александра, успѣха, прямо ошеломляющаго, эффектными брызгами разсыпавшагося по скрижалямъ его дней. Исторіософическая наука уже отчасти разгадала такого рода загадки. Она прямо отвѣтитъ намъ, что вся слава, хотя бы Александра Македонскаго, Фридриха Великаго, Наполеона, Александра Перваго заключается именно въ томъ, что въ извѣстные моменты исторической лихорадки они прилагали усилія народовъ къ желанному, необходимому, неизбѣжному дѣлу. Въ эпохи кризисовъ, когда идетъ ломка существующаго порядка, люди, облеченные властью, становятся великими безъ особаго труда. Волна общаго благоволенія выноситъ ихъ на высоту власти, какъ бы дѣйствіемъ прилива, и отмѣченнымъ людямъ остается только предоставить себя его воздѣйствію. Стихъ пароксизмъ, прошли праздники угара, начались сѣрые будни безцвѣтной обыденщины и бѣшенный бѣгъ исторіи превращается въ соперничанье съ черепахою. Такъ было и съ Александромъ. Саркастически отмѣчаетъ Н. И. Гречъ, что сдѣлалъ императоръ по возвращеніи съ триумфальнаго шествія въ Парижъ: „Первымъ дѣломъ было приказаніе называть первую станцію по московской дорогѣ не „Три руки“, а „Четыре руки“; вторымъ — положеніе о ливреяхъ офицерскихъ лакеевъ; третьимъ—о ношеніи въ какой-то артиллерійской бригадѣ зеленыхъ брюкъ и т. д. Министровъ не принималъ. Всѣ поступавшія къ нему жалобы возвращалъ, какъ ненужныя. Публика поворчала, привыкла и перестала“...

А фигура императора, примирителя Европы, становится все смутнѣе, видимо тускнѣетъ, стирается за сутуловатую спиною Аракчеева и пропадаетъ одиноко на берегахъ Чернаго моря, жуткимъ, бѣлобородымъ призракомъ на мигъ вынырнувъ въ уединенной сибирской заимкѣ.

Существуетъ извѣстная Аракчеевская премія за написаніе лучшей исторіи Императора Александра. Совершенная исторія должна быть прагматична, то-есть

*) М. Корфъ, Восшествіе на престоль Имп. Николая, стр. 228—229.

уловлять и подчеркивать генетическую связь и преемственность между фактами съ одной стороны, и взаимоотношеніе воли и поступка—съ другой. Такой научный постулатъ по отношенію къ исторіи Александра непримѣнимъ и каждый его биографъ не можетъ не помнить проникновенныхъ строфъ князя П. А. Вяземскаго, которыми я и закончу свой бѣглый очеркъ:

„Сфинксъ, не разгаданный до гроба,—
„О немъ и нынѣ спорятъ вновь.
„Въ любви его роптала злоба,
„А въ злобѣ теплилась любовь.
„Дитя осьмнадцатаго вѣка,
„Его страстей онъ жертвой былъ:
„И презиралъ онъ человѣка,
„И человѣчество любилъ“.

Н. Снягинъ.

